

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВ

ЦВЕТЫ В ЧЕРЕПНОЙ
КОРОБКЕ

Александр Гаврилов

Цветы в черепной коробке

«Автор»

2026

Гаврилов А. А.

Цветы в черепной коробке / А. А. Гаврилов — «Автор», 2026

В небольшом поселке, окруженном лесом и рекой, происходит жестокое убийство. Это событие привлекает внимание Германа Совицки, чье наследство связано с трагической судьбой матери, умершей в местной психиатрической больнице. Со временем Герман начинает замечать у себя признаки сумасшествия, не различая реальность и сон. Он связывает это с наследственным психическим расстройством. Ситуация быстро принимает другой оборот, когда Герман оказывается в эпицентре загадочных событий.

© Гаврилов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Гаврилов

Цветы в черепной коробке

Пролог

Возможно, каждый человек на планете, проживающий в этот момент, хотя бы раз задумывался над тем, чтобы схватить первый попавшийся под руку крупный камень или пустую бутылку из-под водки и разбить ее о голову другого человека. Это вполне понятное желание, корнящееся в глубинах человеческой природы, где эмоции порой берут верх над разумом. Более половины человечества страдает от психических расстройств, если не все люди, проживающие на всех материках и островах.

И неважно, что послужило мотивом, триггером совершить подобное действие. Это может быть всё что угодно: ревность, гнев, самое обычное отвращение к конкретному человеку, внезапный порыв ярости или даже накопленная годами фрустрация, которая в один момент выходит наружу. Не стоит смотреть на это как на что-то безумное и категорически осуждать подобные мысли или действия. Все люди страдают безумием — в той или иной степени. Нет и никогда не было людей, чей рассудок был абсолютно чистым неповрежденным жизнью и отчаянием. Каждый из нас несет в себе отпечаток пережитых травм, разочарований, утрат и конфликтов, которые формируют нашу психику и порой заставляют действовать импульсивно. Человеческая природа сложна и противоречива, и в ее глубинах скрываются не только светлые, но и темные стороны, которые время от времени проявляются в самых неожиданных формах.

Странная штука — безумие. Знаете, как оно живёт в головах людей? Словно тихий шёпот в темноте, который многие слышат, но делают вид, что ничего не происходит. Одни знают, другие делают вид, что не ведают, а третьи просто боятся даже думать об этом. Словно заклятие какое-то: стоит только прикоснуться к этой теме — и ты уже заражён. А может, они просто боятся? Боятся до дрожи в коленях, до мурашек на коже, до холодного пота на лбу. Боятся, что однажды посмотрят в зеркало и увидят там не себя, а кого-то другого. Того, кто улыбается не так, кто думает не так, кто чувствует не так. И эта мысль пожирает их изнутри, словно червь, прогрызающий путь к самому сердцу.

Безумие — оно как болезнь. Обычная такая болезнь, только живёт не в теле, а в голове. И самое страшное — человек может годами носить её в себе, даже не подозревая об этом. Ходит на работу, улыбается соседям, покупает хлеб в магазине, а внутри уже расцветает этот жуткий цветок. И когда он наконец замечает первые признаки — бледные лепестки симптомов — бывает уже слишком поздно. Слишком, слишком поздно. Люди не хотят признавать, что их разум начал играть с ними в странные игры.

Они закрывают глаза, затыкают уши, убеждают себя, что всё в порядке. Но реальность начинает искривляться, словно старое зеркало. Она ломается на кусочки, и каждый кусочек отражает что-то своё, что-то неправильное. Мышление ломается, как старая пластинка — трещит, прыгает, играет не ту мелодию. И вот человек уже не может мыслить рационально. Не может вести себя как все. Его мозг — как сломанный компьютер, который выдаёт случайные команды. Он может сидеть спокойно, улыбаться, кивать, а через секунду его рука сама тянется к вилке. И он не думает, не размышляет — он просто делает. С восторгом, с каким-то странным, пугающим удовольствием. Потому что в его мире это действие имеет смысл. Какой-то свой, безумный смысл. А другие смотрят на это и отворачиваются. Потому что боятся. Боятся заглянуть в эту бездну. Боятся увидеть там себя. И продолжают делать вид, что безумия не существует. Что это просто выдумки, страшные сказки для взрослых. Но оно существует. Оно

живёт рядом с нами. Дышит с нами одним воздухом, смотрит на нас глазами тех, кого мы знаем. И ждёт. Всегда ждёт своего часа.

В глубинах человеческого сознания таится нечто странное, непостижимое, то, без чего мы, возможно, давно бы уже исчезли с лица земли. Представьте себе: холодный пот на лбу, сердце колотится как безумное, а ты стоишь перед выбором — бежать или сражаться. И знаешь, что? Именно в этот момент безумие и берёт верх. Древние люди... О, эти удивительные создания! Как они вообще выживали? Ведь, чтобы выйти против мамонта с простой палкой, нужно было потерять рассудок. Совсем потерять. Иначе какой здравомыслящий человек полезет на этого гиганта с голыми руками? А они лезли, и побеждали, и возвращались в свои пещеры героями.

Может, это и было их секретное оружие — безумие, которое жило в их глазах, в их сердцах, в каждом ударе копья? Рождались они с этим странным даром или недугом — кто теперь разберёт? Может, это передавалось с молоком матери, вместе с первыми сказками у костра? Или это просыпалось в них, когда они впервые слышали вой волков за пределами своего убежища? А может, это было что-то более древнее, заложенное в генах, как инстинкт самосохранения, только наоборот — инстинкт самопожертвования? И ведь не только с хищниками они сражались. О нет! Были ещё другие племена, такие же безумные, как и они сами. И каждый день был как игра в русскую рулетку: выживешь или нет? Добудешь еду или умрёшь с голоду? Убьёшь или убьют тебя? И в этой бесконечной гонке за выживание безумие становилось их лучшим другом, их надёжным союзником. А потом пришли тёмные века... О, эти мрачные времена, когда безумие приняло другой облик!

Теперь оно сидело не в головах охотников, а в глазах инквизиторов. Женщины с неправильным цветом волос, с необычной фигурой — все они становились жертвами этого нового безумия. Их сжигали на кострах, и пламя пожирало не только их тела, но и их души, их истории, их тайны. Сотни тысяч жизней были загублены в этом безумном танце смерти. Войны, чума, казни — всё это было пропитано безумием. Люди сходили с ума от страха, от боли, от безысходности. Их глаза становились стеклянными, их движения — дёргаными, их речь — бессвязной. И в этом безумии они находили какое-то странное утешение, какой-то извращённый смысл. Может, именно поэтому мы до сих пор существуем? Потому что в наших венах течёт эта странная смесь здравомыслия и безумия? Потому что в самые тёмные моменты нашей истории именно безумие спасало нас от полного уничтожения? Кто знает... Одно можно сказать точно: без этого странного дара, без этого недуга, без этого безумия человечество давно бы уже перестало существовать.

Глава 1

В современном мире существует поразительная, почти пугающая закономерность: чем богаче человек, тем более уязвимым он становится перед лицом настоящего безумия. Это не просто случайность, а зловещая закономерность, которую невозможно игнорировать. Бедные люди, живущие от зарплаты до зарплаты, словно защищены от этой страшной напасти невидимым щитом необходимости. Их дни заполнены борьбой за выживание, и у них просто нет времени на погружение в пучину безумия. Они слишком заняты решением насущных проблем, чтобы позволить себе роскошь потерять связь с реальностью. Но вот те, кто купается в роскоши, кто имеет всё, о чём только можно мечтать, именно они становятся лёгкой добычей этого коварного недуга.

Они даже не подозревают, какой ужас постепенно захватывает их разум. Словно тихий убийца, безумие проникает в их души через трещины в броне благополучия. Внутри их голов медленно, но неотвратно прорастает зловещее семя. Оно тихо и методично распространяет свои ядовитые корни по извилинам мозга, постепенно захватывая контроль над самыми важными функциями.

Человек может годами не замечать, как его собственное сознание начинает работать против него. Это паразитическое существо, поселившееся в голове, извращает реальность до неузнаваемости. Оно искажает восприятие действительности, превращает чёрное в белое, а белое в чёрное. Жертва начинает видеть мир через кривое зеркало своего больного разума, и чем дальше, тем страшнее становится картина.

Самое ужасное, что человек может до последнего не осознавать своего состояния. Он продолжает жить в созданном его больным воображением мире, считая его единственно верным. И чем дольше длится это состояние, тем сложнее становится вернуться к реальности, тем глубже затягивают путы безумия свою жертву в бездну отчаяния и потерю связи с действительностью. Это как медленный яд, который не убивает сразу, а постепенно разрушает личность, превращая успешного, казалось бы, человека в заложника собственных иллюзий и заблуждений. И никто не застрахован от этого — не миллиардеры, ни просто обеспеченные люди. Безумие не выбирает своих жертв по кошельку — оно выбирает тех, кто потерял связь с реальностью в погоне за материальными благами.

Безумие — это не одинокий изгнанник, прячущийся в темных уголках сознания. Оно подобно целой стае хищных тварей, вечно голодных и жаждущих живой плоти. Эти монстры не знают покоя — они рыщут повсюду, днем и ночью, выискивая свою следующую жертву. Их глаза горят зловещим огнем, а когти готовы в любой момент впиться в незащищенную душу.

Они охотятся методично, расчетливо, словно древние хищники. Их укус — это не просто рана. Это зараза, которая проникает в самые глубокие слои разума, медленно, но неотвратно распространяясь по всему сознанию. Словно ядовитый цветок, безумие начинает цвести в голове несчастного, раскрывая свои зловещие лепестки один за другим.

С каждым днем его корни становятся все крепче, все глубже впиваясь в уязвимые участки рассудка. Они проникают в самые потаенные уголки души, добираются до оголенных нервов, превращая их в тонкие струны, на которых безумие играет свою зловещую симфонию. Мысли становятся спутанными, реальность искажается, а границы между сном и явью стираются. Постепенно человек теряет себя. Он перестает быть тем, кем был раньше. Словно древний вирус пробуждает в нем генетическую память предков. Он превращается в существо, движимое лишь примитивными инстинктами.

Голод становится всепоглощающим, страх парализует разум, а желание размножиться превращается в навязчивую идею. Его глаза тускнеют, речь становится невнятной, движения — дерганными и непредсказуемыми. Он уже не человек — он первобытное создание, подчи-

ненное законам джунглей. Он существует только ради удовлетворения базовых потребностей, пока не иссякнет последний источник жизненной силы. И тогда остается лишь пустая оболочка, в которой когда-то жила человеческая душа. И это только начало. Со временем человек перестает осознавать, насколько он безумен. Сколько преград стоит перед ним и его целью. Он преодолеет их всех, даже если ему придётся раскроить кому-нибудь череп или всадить нож в чье-то пульсирующее горячее сердце.

Глава 2

Герман Савицки — парень, находившийся в самом расцвете сил, но глубоко несчастный. Каждый день он просыпался с мыслью, что его жизнь — это череда неудач, и во всём виноват его род. Его происхождение было таким же нищим и безмолвным, как и его надежды на светлое будущее. Его фамилия — Савицки — была ничем не примечательна, такой заурядной, что её легко можно было забыть уже через минуту после знакомства. Имя, данное ему матерью, тоже не отличалось оригинальностью.

Его мамаша, женщина с избыточным весом, родила его на три недели раньше срока, и это событие навсегда изменило его судьбу. Но самое странное началось тогда, когда выяснилось, где именно проходили роды. Психиатрическая клиника — вот место, где появился на свет Герман. Его мать лечилась там от острого психоза, которое, по слухам, передалось ей от её отца.

Старик, дед Германа, был человеком весьма своеобразным. Сам старик был чудаковат до крайности. Соседи шептались за его спиной, называя его полным параноиком. Они рассказывали истории о том, как он часами бродил вокруг своего обветшавшего дома бормоча что-то себе под нос, и как он никому не доверял, даже собственной дочери, которую лично отправил в клинику. Но его давно уже нет в живых, и земля ему пухом. Он не успел увидеть своего внука, и, возможно, это к лучшему. Кто знает, как странный старик отнесся бы к своему потомству?

Герман всё чаще погружался в мрачные раздумья. Дни тянулись бесконечно, словно вязкая патока, а ночи становились бесконечной чередой тревожных мыслей. Он не мог избавиться от навязчивого ощущения, что его судьба predetermined, что в его венах течёт не просто кровь предков, а какая-то тёмная, роковая сила. Каждое утро, глядя в зеркало на своё отражение, он искал признаки того самого родового проклятия, которое, как ему казалось, передавалось из поколения в поколение.

Чёрные, как смола, неухоженные волосы, бледная кожа, узкий лоб и чёрные впалые глаза. Морщины усталости вокруг глаз, едва заметная тень под глазами — всё это казалось ему симптомами неизбежного рока. В его голове, словно заезженная пластинка, крутились одни и те же мысли. «Может быть, именно поэтому я такой несчастный? Может быть, мои неудачи — это просто проявление древнего родового проклятия. Заболевания или материнского психоза?» — спрашивал он себя снова и снова. Эти вопросы не давали ему покоя ни днём, ни ночью.

Он изучал свою родословную с маниакальной одержимостью. Старые фотографии в пыльных альбомах, пожелтевшие письма, записи в семейных архивах — всё казалось ему наполненным тайным смыслом. Каждый родственник, каждая история из прошлого теперь представлялись ему частью зловещего пазла. Герман винил своё происхождение во всех неудачах. Ему казалось, что каждый член семьи нёс в себе какую-то тёмную метку, что безумие и несчастье были закодированы в генах. Он представлял, как эта тёмная сила передавалась из поколения в поколение, становясь всё сильнее и страшнее.

Его разум заполнялся безумными теориями. Он видел признаки родового проклятия повсюду: в случайных совпадениях, в судьбах дальних родственников, в собственных неудачах. Эти мысли становились всё навязчивее, словно туман, который с каждым днём становился всё гуще и непрогляднее. Герман пытался бороться с этими мыслями. Он читал книги по психологии, чтобы найти логическое объяснение своим страхам. Но чем больше он пытался разобраться, тем глубже погружался в пучину собственных страхов и сомнений.

Дни сливались в одно монотонное полотно серого существования. Работа не приносила удовлетворения, друзья казались далёкими и чужими, увлечения потеряли всякий смысл. Всё, что оставалось у Германа — это его навязчивые мысли и бесконечное самокопание. Он не замечал, как проходит время. Месяцы превращались в годы, а годы — в бесконечную череду одинаковых дней. И только иногда, в редкие моменты просветления, он понимал, что его настоя-

щее несчастье кроется не в происхождении, а в его собственных страхах и сомнениях, которые он взрастил в своей душе, как ядовитые цветы. Но эти моменты ясности быстро исчезали, поглощённые мраком его собственных мыслей. И Герман продолжал жить в этом замкнутом круге, не в силах вырваться из плена собственных иллюзий и страхов.

Глава 3

В тот роковой день небо над головой Германа словно почернело от горя. Тёмные, тяжёлые тучи, казалось, специально собрались над его головой, чтобы отразить ту бездну отчаяния, которая разверзлась в его душе. Именно в этот день, в холодных стенах клиники, сердце его матери остановилось навсегда.

Два долгих, мучительно томительных дня Герман провёл словно в тумане, пытаясь осознать случившееся. Его разум отказывался принимать эту страшную правду, а сердце разрывалось от боли. Похороны, состоявшиеся спустя эти мучительные дни, были простыми, почти незаметными для окружающего мира. Но для Германа они стали точкой невозврата, моментом, когда его жизнь раскололась надвое.

Потеря матери обрушилась на него всей своей тяжестью, словно древний валун, сорвавшийся с горной вершины. Его плечи согнулись под непосильным грузом утраты, а земля, прежде такая надёжная, вдруг ушла из-под ног. Весь мир, который прежде казался относительно устойчивым и безопасным, начал рушиться подобно тонкому картону под яростным натиском бури. Отчаяние окутало его сознание густым, ядовитым туманом.

Каждый день становился всё более похожим на предыдущий, превращаясь в бесконечную череду серых, однообразных мгновений. Страхи и фобии Германа, прежде дремавшие где-то в глубине сознания, теперь вырвались наружу, терзая его разум. Судьба, казалось, с самого начала была не слишком благосклонна к Герману. Теперь она словно решила окончательно испытать его на прочность, обрушив на его плечи бремя утраты, которое, как ему казалось, невозможно вынести.

Каждый новый день приносил лишь новые страдания, а ночь становилась временем, когда боль утраты ощущалась особенно остро. В этом бесконечном круговороте боли и отчаяния Герман пытался найти хоть какую-то опору, но всё вокруг казалось зыбким и ненадёжным, как песок под ногами. Его душа была ранена, и эта рана кровоточила с каждым новым днём, делая его всё более одиноким и потерянным в этом огромном, равнодушном мире.

После рождения Герман некоторое время жил в частном доме с бабушкой и дедушкой, которые воспитывали его как могли. Спустя пару лет умерла бабушка, а спустя год пропал и дед. Он просто покинул дом и больше не вернулся. Герман воспринял это спокойно. Ему казалось, что старик просто не хотел брать на себя воспитание внука. А быть может, он просто ушел жить в лес, который окружал поселение.

После этого Герман стал единственным владельцем дома, который стоял на самой окраине поселения, всего в нескольких десятках метров от кладбища.

Каждый день, просыпаясь по утрам, Герман видел из окна одно и то же унылое зрелище: серые надгробия, покосившиеся кресты, пожелтевшие венки, которые давно никто не менял.

Дни тянулись медленно, словно патока, и каждый новый день был похож на предыдущий. Герман часто наблюдал за людьми в черных одеждах, которые приходили на кладбище навестить могилы своих близких. Их скорбные фигуры, склонившиеся над памятниками, только усиливали его собственное чувство одиночества и тоски. Он был совершенно один в этом сером, бездушном поселении, где все друг друга знали. Здесь каждый житель мог рассказать историю о любом соседе, ведь многие были родственниками друг другу.

Поселение хранило свои тайны, но они были только семейными, закрытыми за крепкими дверями частных домов. Поселение казалось таким же, как тысячи других в стране: школа, больница, детский сад и полицейский участок. Но было в нем что-то особенное — какая-то гнетущая атмосфера, которая проникала в самое сердце. Казалось, сам воздух здесь был пропитан тоской и безысходностью.

Все дома в поселении, некогда крепкие и надежные, теперь выглядели потрепанными временем. Их стены покрылись трещинами, крыши нуждались в ремонте, а окна смотрели на мир тусклыми, запыленными глазами.

Каждый вечер, когда солнце садилось за горизонт, поселение погружалось в еще более мрачную атмосферу. Тени становились длиннее, а унылые улицы и переулки казались бесконечными коридорами одиночества. Герман часто ловил себя на мысли, что не может вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя по-настоящему счастливым в этих местах.

Дни сливались в одно бесконечное серое полотно, и даже редкие проблески солнца не могли разогнать ту темную пелену, которая окутала душу Германа. Он был пленником этого поселения, пленником своих воспоминаний и одиночества, не в силах найти выход из этого мрачного лабиринта повседневности.

Глава 4

Туман окутывал улицы поселения и в особенности его окраины, словно серое одеяло, когда Герман возвращался с очередной подработки домой. Герман чувствовал себя немного уставшим и даже подавленным. Его потертое пальто, серый растянутый свитер с толстым воротником, поношенные брюки и коричневые ботинки с толстой подошвой свидетельствовали о скудной и бедной жизни. В руках он держал лишь небольшую сумку, содержимое которой казалось почти символичным. В ней была сменная одежда, термос с уже остывшим кофе и бутерброды, которые, вероятно, потеряли свою свежесть за время пути. Герман сомневался, стоит ли их есть, но в этом забытом богом месте выбора особо не было.

С трудом добравшись до дома, Герман достал из внутреннего кармана своего пальто массивный ключ. Металл казался холодным и тяжёлым в его руке. После нескольких попыток ему удалось вставить ключ в замок. Тот поддался не сразу, словно не желая впускать постоянного хозяина. Наконец послышался долгожданный щелчок. С усилием повернув обшарпанную металлическую ручку, Герман толкнул дверь. Та открылась с протяжным скрипом, будто жалуясь на то, что её потревожили. В лицо ударил тяжёлый запах пыли, который, казалось, пропитал здесь каждый сантиметр пространства.

Внутри дом был завален коробками и связками газет и книг. Предметы были навалены друг на друга в хаотичном порядке, создавая впечатление, что время здесь остановилось много лет назад. Герман ловко пробирался между завалами, словно сквозь лабиринт, но он знал, где повернуть, чтобы попасть в ту или иную комнату. Усталость накатила новой волной, и Герман, сняв только поношенное пальто и повесив ее на крючок, освободил ноги от ботинок и в одежде завалился спать на пружинную скрипучую кровать.

Глава 5

Герман стоял в крошечной тьме, которая, казалось, была живой осязаемой, почти материальной. Она обволакивала его со всех сторон. Проникала в каждую пору кожи, заставляя дрожать от первобытного ужаса, сковывающего не только тело, но и разум. Он вытянул руки перед собой, напряжённо вглядываясь, но не видел даже их очертаний — лишь бесконечную черноту, поглощающую любое подобие света. На мгновение Герману почудилось, будто он сам стал частью этой непроглядной мглы, растворился в ней, потерял себя, своё имя, свою память.

Внезапно вдалеке что-то зашевелилось. Зелёный свет, похожий на призрачное сияние гнилушек в ночном лесу, замаячил на горизонте. Он пульсировал, как неисправная лампа, дрожал, словно рябь на экране старого телевизора, и с каждым новым всплеском становился чуть ближе. Герман почувствовал, как его тянет к этому свету, будто невидимым магнитом, — вопреки страху, вопреки голосу разума, шепчущему об опасности. Вскоре к зеленоватому отблеску добавилось голубоватое свечение: оно прорезало тьму острыми клинками света, рассекая её на неровные лоскуты. А потом появилось ещё одно — красное, зловещее, пульсирующее в такт какому-то жуткому ритму, словно предупреждающее о неизбежной беде.

И в этот момент раздался писк. Острый, пронзительный, он вонзился в мозг Германа раскалёнными иглами, разрывая тишину, которая до этого казалась абсолютной. Герман зажал уши руками, плотно прижал ладони к вискам, но это не помогло: звук проникал сквозь кожу, кости, заполняя каждую клеточку его существа невыносимой болью. Он закричал, пытаясь перекрыть этот адский звук, но его крик лишь усилил пытку — словно резонанс удвоил громкость, превратив писк в оглушительный вой.

Земля под ногами внезапно разверзлась, и Герман рухнул вниз, в зловонную мутную воду. Она была ледяной, грязной, пахла тинной и разложением, словно стоячий пруд на краю забытого кладбища. Он отчаянно забарахтался, пытаясь выплыть, но вода, казалось, затягивала его всё глубже, обволакивала холодными щупальцами, лишала сил. Лёгкие горели, перед глазами поплыли тёмные пятна, но в последний момент пальцы коснулись твёрдой поверхности — каменистого дна.

Собрав остатки воли, Герман рванулся вверх, вынырнул, жадно хватая ртом воздух, и, цепляясь за скользкие камни, выполз на берег. Он лежал на спине, тяжело дыша, чувствуя, как ледяные капли стекают по лицу, а одежда липнет к телу, отяжелев от грязи.

Только он хотел перевести дух, как реальность вокруг него снова изменилась с едва уловимым треском, будто лопнула невидимая плёнка. Теперь Герман стоял в мрачном лесу. Деревья вокруг были уродливыми, скрюченными, словно в агонии: их кора покрылась глубокими трещинами, а голые ветви тянулись к небу, как костлявые руки мертвецов, пытающихся ухватить последний луч угасающего света.

Голые ноги Германа погружались в толстый слой гнилых листьев с каждым шагом, и под подошвами хрустели мелкие ветки, напоминая о чём-то давно умершем. Он шёл вперёд, не зная куда, ведомый каким-то первобытным инстинктом, который шептал: «Иди. Найди. Пойми».

И вдруг среди густого тумана, стелющегося между стволами, он увидел силуэт. Невысокий человек, чёрный, как сама тьма, с контурами, размытыми и дрожащими, будто сотканными из теней. Он повернулся и пошёл прочь, бесшумно ступая по влажной земле. Герман бросился за ним, продираясь сквозь колючие кусты, спотыкаясь о корни, но фигура впереди не ускоряла шаг — она словно играла с Германом, позволяя то приблизиться, то снова отдалиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.